

Бертран Рассел Инфракрасный глаз filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Бертран Рассел

Инфракрасный глаз

Леди Миллисент Пинтюрк, именуемая в узком кругу «красоткой Милли», покоилась в кресле; одна в своем роскошном будуаре, обставленном изящной мягкой мебелью. Мягкий свет лился из-под искусно затененных ламп. Подле нее на маленьком столике стояло какое-то подобие большой куклы в пышных юбках.

Стены были увешаны акварелями в рамках. На каждой из них красовалась подпись: «Миллисент». Картины изображали романтические сцены в Альпах, на берегах Средиземного моря, в Греции и на острове Тенерифе. Еще одна акварель находилась в руках у хозяйки, которая изучала ее придирчивым взглядом мастера. Затем она протянула руку к кукле и коснулась невидимой кнопки. Кукла приподняла юбки, и под ними обнаружился телефон. Леди Миллисент сняла трубку. Ее движения, обычно столь грациозные, были несколько скованны, и эта напряженность, по-видимому, происходила от важности принятого решения. Набрав номер, она подождала, пока ей ответят, и твердо сказала: «Мне нужно поговорить с сэром Бальбусом».

Сэр Бальбус Фрютиджер был известен всему свету как издатель газеты «Ежедневная Молния» и один из столпов государства – какая бы там партия ни получила перевес в парламенте. От народной любви его ограждали личный секретарь и шесть секретарш личного секретаря. Немногие решались тревожить сэра Бальбуса по телефону, и редчайшим из них удавалось с ним говорить. Его занятия были слишком возвышенны, чтобы их прерывать. Его миссия в этом мире состояла в том, чтобы блюсти общественное спокойствие путем непрерывного нарушения личного спокойствия читателей. Однако, невзирая на бетонированные укрепления, защищавшие его, этот звонок немедленно достиг его ушей.

– Да, леди Миллисент? – спросил он.

– Все готово, – ответила она и положила трубку.

Великие приготовления предшествовали этим коротким словам. Муж прелестной Милли, сэр Теофил Пинтюрк, принадлежал к числу владык финансового мира. Его богатство превосходило все возможное, но, к сожалению, у него были соперники, которых все еще не удавалось скрутить. Было несколько человек, которые шли с ним, говоря языком благородной игры, голова в голову и даже имели реальные шансы на выигрыш. Но у него была душа Наполеона, и ей, этой душе, необходимо было сознание раз навсегда достигнутого и неоспоримого превосходства.

Сэр Теофил Пинтюрк был вынужден признать, что сила денег – не единственная сила в современном мире. Существовало – ничего не поделаешь – еще три других. Во-первых, сила, именуемая Печатью. Во-вторых, сила Рекламы. И третья, чаще всего недооцениваемая людьми его профессии, – сила Науки. Он постиг, что, лишь соединив все четыре силы, он одержит победу, и в предвидении этой великой цели он создал тайный совет четырех.

На себя сэр Теофил возложил функции председателя. За ним по порядку мощи и величия шел сэр Бальбус Фрютиджер, чей девиз гласил: «Давайте публике то, чего она хочет!» Этот клич вел все полчище подвластных Фрютиджеру газет. Третьим членом содружества был сэр Публий Харпер, тот, который повелевал миром рекламы. Толпы, едущие вверх и вниз на эскалаторах метро, могли воображать, что те, от чьего имени к ним обращались бесчисленные рекламы, – соперники и что именно им, едущим мимо, принадлежит право выбора и решения. Но это было наивной иллюзией. Все рекламные объявления поступали в центральный распределитель, и не кто иной, как сэр Публий, решал, как с ними поступить. Если ему угодно было, чтобы

выпускаемая вами паста для зубов стала популярной, она становилась популярной, если нет – паста плесневела на прилавках. От него зависело благоденствие или крушение тех, кто по недомыслию занимался производством товаров вместо того, чтобы их рекламировать.

Привязанность сэра Публия к сэру Бальбусу сочеталась с легким презрением. Его девиз он считал приспособленческим. Сам он следовал лозунгу: «Заставьте публику хотеть того, что вы ей предлагаете». И нужно сказать, что в этом сэр Публий Харпер исключительно преуспел. Неописуемо скверные вина шли нарасхват после того, как он объяснил публике, что они восхитительны, и ни одному покупателю даже в голову не приходило усомниться в его словах. Унылые пески с вонючими гостиницами и замусоренным морским приливом благодаря усилиям сэра Публия приобретали славу фешенебельных курортов с лазурным морем, обилением озона и бодрящим атлантическим бризом. В дни всеобщих выборов кандидаты всех партий пользовались услугами его людей, готовых прийти на помощь всем (кроме коммунистов), кто был в состоянии заплатить по преискуранту. Ни один здраво мыслящий политик не отважился бы начать предвыборную кампанию, не заручившись поддержкой сэра Публия.

При всем том, что у сэра Бальбуса и сэра Публия было много общего в их высокополезной общественной деятельности, внешне они отличались друг от друга, как день и ночь. Оба не были чужды радостям жизни, но если сэр Бальбус выглядел полнокровным мужчиной могучего сложения, сэр Публий, напротив, был худосочен и хил. Со стороны его можно было принять за приверженца какой-нибудь аскетической секты. Во всяком случае, портрет сэра Публия едва ли годился для рекламы чего-нибудь вкусного или утоляющего жажду. Что не мешало двум джентльменам встречаться время от времени за прихотливым обедом. Обсуждая проекты смелых операций и новости политики, они легко находили общий язык. Каждый отдавал должное талантам партнера, оба чтити взаимные интересы, понимая значение этого союза в совместной борьбе.

Порою сэр Публий небрежно давал понять, чем обязан ему сэр Бальбус. Что было бы с «Ежедневной Молнией», если бы не рекламные щиты сэра Публия, с которых очаровательные блондинки и белозубые брюнеты протягивали свежий номер «Молнии» каждому кто не успел оформить подписку на эту великую газету? На что сэр Бальбус резонно возражал: «Да, но что стало бы с вами, если бы я не развернул кампанию против охраны канадских лесов? Где бы вы достали бумагу? Вас спасла моя находчивость, моя виртуозна политика в этом огромном доминионе!»

Так они развлекались за пиршественным столом, с тем, чтобы за десертом вернуться к более неотложным делам.

Четвертого члена звали Пендрейк Маркл. Он был человек несколько особого рода. Сэр Бальбус и сэр Публий выразили даже кое-какие сомнения относительно целесообразности его привлечения к делу. Эти опасения были решительно отмечены сэром Теофилом Пинтюком, хотя к ним стоило прислушаться. Мистер Маркл не был обладателем рыцарского звания. Но это было еще полбеды. Никто не отрицал его научных заслуг, однако имя этого джентльмена несколько раз промелькнуло в печати в связи с какими-то скандалами и злоупотреблениями. В общем, он был не из тех, чья репутация может помочь хиреющему провинциальному банку привлечь недостающих вкладчиков. И все же сэр Теофил настоял на том, чтобы включить Маркла в Большую четверку, принимая во внимание оригинальность его идей, а равно и то, что в отличие от иных ученых мужей он не был отягощен излишней щепетильностью.

У мистера Маркла были свои претензии к человечеству – это легко понять каждому, кто познакомится с его биографией. Отец его был протестантским священником, человеком выдающегося благочестия. Он охотно объяснял своему малолетнему сыну, как справедлив был пророк Елисей, проклявший непослушных детей, – не зря их тут же растерзали оказавшиеся поблизости медведицы. Решительно во всем преподобный отец Маркл хранил верность заветам доброго старого времени, а его домашние наставления дышали уверенностью в том, что даже опечатки в Библии вдохновлены свыше.

Однажды – это было, когда мальчик уже подросток, – сын отважился спросить отца: неужели нельзя быть добрым христианином и при этом не принимать на веру все эти старые сказки? Отец разъяснил ему этот вопрос столь основательно, что тот неделю не мог сидеть. Вопреки столь заботливому воспитанию, сын был настолько неблагодарен, что отказался следовать по стопам родителя. Перебиваясь с хлеба на

воду, он принял пробовать себе дорогу в науке, стал образцовым студентом. Но первое же научное достижение у него украл его собственный учитель и получил за это медаль Королевского общества. Юный Маркл попробовал разоблачить мошенника, но никто ему не поверил. В результате он приобрел репутацию завистника и скандалиста.

Преследуемый всеобщей подозрительностью, он и в самом деле стал мизантропом. Впрочем, с тех пор он научился принимать специальные меры, чтобы никто больше не смог похитить его идеи. Засим последовало несколько неприятных историй – какие-то махинации с патентами, правда, недоказанные. Об этом много судачили, но никто так и не узнал, в чем там было дело. Как бы то ни было, ему удалось сколотить круглую сумму, достаточную, чтобы завести собственную лабораторию – здесь уж ему никто не мог перебежать дорогу. Мало-помалу, с большим трудом, его работы завоевали признание. В конце концов им заинтересовалось правительство. К нему обратились с деликатным предложением – не пожелает ли он посвятить свой талант разработке бактериологического оружия? Он отказался, заявив, что ничего не смыслит в бактериологии, – предлог в высшей степени странный, – и тем лишь укрепил подозрение, что он – враг общества, одержимый ненавистью ко всем представителям власти, начиная от премьер-министра и кончая полисменом, стоящим под его окнами.

Хотя мистера Маркла терпеть не могли в ученых кругах, мало кто осмеливался нападать на него: это был безжалостный полемист, умевший из любого противника сделать посмешище. В целом мире только одна вещь была ему дорога – его собственная лаборатория. Увы, она была действительно дорогим удовольствием: приборы стоили сумасшедших денег, и мистер Маркл регулярно оказывался на грани катастрофы. В один из таких трудных моментов к нему и подъехал сэр Теофил, протянул утопающему щедрую руку и пригласил участвовать в тайном союзе.

На первом же заседании совета четырех сэр Теофил Пинтюрк поделился своими планами; следовало подумать, как их осуществить. Имеется реальная возможность, заявил он, завладеть всем миром. Да, да, они, четверо, могут править всей Землей – а не только какой-нибудь ее частью, – и никто не сможет им противостоять, если они сумеют в полной мере использовать свое влияние.

– Главное, что нам нужно, – сказал в своей программной речи сэр Теофил, – это подлинно плодотворная идея. Поставлять идеи будет для нас Маркл. Он формулирует идею, я ее финансирую, Харпер обеспечивает рекламу, а фрютиджер разжигает народные" страсти против тех, кто ей сопротивляется. Марклу, вероятно, понадобится какое-то время, чтобы разработать такую идею, а нам нужно будет ее обсудить. Поэтому я предлагаю через неделю собраться снова и не сомневаюсь, что к этому времени наука докажет свое право принадлежать к четырем главным силам, которые правят обществом!

С этими словами, отвесив поклон мистеру Марклу, он распустил собрание.

Спустя неделю соратники встретились вновь. «Ну-с, Маркл, – осведомился, сияя улыбкой, сэр Теофил Пинтюрк, – чем порадует нас наука?»

Мистер Маркл прокашлялся и начал:

– Сэр Теофил, сэр Бальбус, сэр Публий! За эти дни мне приходило в голову много мыслей – а мои мысли, уверяю вас, чего-нибудь да стоят, – и я тщательно взвешивал их с точки зрения пригодности для наших целей. Я перебрал разные проекты и отбросил их один за другим. Запугивание атомной угрозой, по-моему, слишком избитая идея, я сразу же отказался от нее. Публика привыкла ко всем этим ужасам; с другой стороны, правительства всех стран настолько бдительно следят за успехами ядерной физики, что любая попытка что-либо предпринять будет немедленно пресечена. Тогда я подумал о бактериологии. Например, можно было бы заразить всех правителей вирусом бешенства. Но опять же неясно, какую выгоду мы могли бы из этого извлечь, к тому же есть риск, что они покусаят кого-нибудь из нас, прежде чем болезнь будет распознана. Еще одна идея – создание искусственного спутника Земли. Он мог бы совершать полный оборот, скажем, в течение трех дней и, пролетая над красными, открывать по ним огонь. Но этот проект годится больше для правительства, чем для нас. Мы должны быть над схваткой; не наше дело – вмешиваться в распри между Востоком и Западом. Что бы ни" случилось, последнее слово должно быть за нами. Вот почему я отбросил все идеи, ведущие к отказу от нейтралитета.

Джентльмены! У меня есть еще один проект. Думается, он свободен от недостатков всех вышепоименованных проектов. Состоит он вот в чем. В последние годы много говорят о так называемой инфракрасной фотографии. Разумеется, публика так же невежественна в этой области, как и в любой другой, и я не вижу причин, почему бы нам не воспользоваться этой неосведомленностью. Мы объявляем во всеуслышание, что нами изобретен прибор, назовем его «инфрарадиоскоп», который может фотографировать при помощи инфракрасных лучей объекты, не воспринимаемые никаким другим способом. Это очень чувствительный, крайне хрупкий прибор, в неумелых руках он легко может выйти из строя. Поэтому тот, кто вздумает управляться с ним самостоятельно, без нашей помощи, тот ничего в него не увидит. А что надо увидеть, мы решим сами. Думаю, что, объединив наши усилия, мы сумеем убедить публику, что она действительно видит то, что мы ей подскажем. Если этот план подходит, я готов взять на себя разработку прибора. А уж как там его использовать – сэр Бальбус и сэр Публий, полагаю, сообразят сами.

Названные лица с превеликим вниманием выслушали речь Пендрейка Маркла. Все поняли, что идея мистера Маркла открывает для них неслыханные "возможности. Речь была встречена аплодисментами.

– Я знаю, – возвестил сэр Бальбус, – что мы сделаем с этим аппаратом. Он разоблачит тайное вторжение с Марса! Армия невидимых врагов, коварных пришельцев чуть было не одержала победу, не появившись вовремя инфрарадиоскоп. С помощью моих газет я открою людям глаза на эту опасность. Я взбудоражу общественность! Миллионы читателей бросятся покупать наши приборы. Сэр Теофил наживет величайшее состояние, каким когда-либо владел человек. Мои газеты вытеснят все остальные печатные органы, и в конце концов «Ежедневная Молния» станет единственной газетой в мире. Не менее важную роль сыграет в этой кампании наш друг Публий. Он оклеит весь мир плакатами с изображением отвратительных чудищ и надписью: «Неужели ты допустишь, чтобы они отняли у тебя твою собственность?» Вдоль всех дорог, на перекрестках, всюду, где у людей есть время глазеть по сторонам, появятся щиты, на которых аршинными буквами будет начертано: «Люди Земли, настал решительный час. Пробудитесь. Пусть вас не страшит угроза из космоса. Мужество победит, так было со времен Адама. Покупайте инфрарадиоскопы и будьте начеку!»

Слово взял сэр Теофил.

– План превосходен, – сказал он, – не хватает только одного – портрета марсианина. Он должен потрясти воображение. Вы все знакомы с леди Миллисент, но, может быть, знаете ее лишь с одной стороны. Она известна вам как натура, любящая все прекрасное. Я же, будучи ее супругом, хорошо знаком с теми закоулками ее фантазии, о которых посторонние не догадываются. Вы знаете, что она недурно владеет акварелью. Давайте поручим ей нарисовать марсианина и фотографию этого рисунка поместим на наших объявлениях.

Присутствующие было засомневались. Красотка Милли, при всех ее неоспоримых достоинствах, отнюдь не была сильной личностью, достойной принять участие в столь ответственном предприятии. Однако после короткого совещания члены синдиката решили дать ей попробовать. Если рисунок получится достаточно сногшибательным и удовлетворит мистера Маркла, сэр Бальбус будет немедленно извещен о том, что пора начинать.

Придя домой после этой знаменательной встречи, сэр Теофил сообщил очаровательной Миллисент, какого рода задачу ей хотят поручить. Он старался не вдаваться в подробности, твердо зная, что серьезные вещи – не для женских ушей, и ограничился минимальными объяснениями: требуется портрет некоего страшилища, такой, чтобы у зрителя волосы стали дыбом, – а для чего, некогда объяснить.

Леди Миллисент была намного моложе сэра Теофила. Она происходила из графского рода, для которого наступили черные дни. Ее разорившийся отец был владельцем величественного ветхого замка елизаветинских времен, за который он цеплялся с упорством, унаследованным от всех поколений его предков, живших в этом доме. Продажа родового имени какому-нибудь богатому выскочке из Аргентины казалась неизбежной, и старик ждал ее, как ждут собственного конца. Дочь, обожавшая отца, решила пожертвовать ради него своей ошеломляющей красотой. Мужчины влюблялись в прелестную Милли с первого взгляда. Сэр Теофил Пинтюрк был самым богатым из ее поклонников, и она уступила ему, – в награду счастливый муж должен был избавить тестя от денежных затруднений. Сэр Теофил отнюдь не вызывал у нее отвращения. Он

Бертран Рассел Инфракрасный глаз filosoff.org
боготворил ее, все ее прихоти исполнялись. Но она не любила его, как, впрочем, и никого другого: еще никто не разбудил ее сердце. Леди Миллисент чувствовала себя в долгу перед мужем и почитала себя обязанной ему подчиняться.

Задание показалось ей несколько странным. Но она привыкла к тому, что он не посвящает ее в свои дела, эти дела ее не интересовали. Она прилежно взялась за работу. Впрочем, сэр Теофил проговорился, что рисунок нужен для того, чтобы показать, какие удивительные вещи можно увидеть при помощи одного нового изобретения – не то телескопа, не то микроскопа, под названием «инфрарадископ». Сделав несколько набросков, не удовлетворивших ее, она, наконец, изобразила существо, напоминающее гигантского жука с семью волосатыми ногами, с человеческой головой, плешивое, с выпученными глазами и застывшим злобным оскалом. Леди Миллисент сделала два рисунка. На одном человек смотрел через инфрарадископ и видел диковинного жука. На другом человек в ужасе выронил аппарат. Чудовище, поняв, что оно обнаружено, привстало на одной ноге, а остальными шестью обхватило задыхающегося человека. Оба рисунка по указанию сэра Теофила были продемонстрированы мистеру Марклу. Тот нашел их вполне удовлетворительными. Вот тогда, после его ухода, леди Миллисент и произнесла в телефонную трубку роковые слова: «Все готово».

С того момента как сэр Бальбус Фрютиджер получил это сообщение, пришла в действие вся гигантская машина, управляемая членами тайного синдиката. По мановению руки сэра Теофила повсеместно заработали фабрики, производящие инфрарадископы – элегантные ящички, внутри которых слышался жужжащий звук шестеренок. Стараниями сэра Бальбуса газеты заполнились статьями о чудесах науки, причем особый уклон был сделан в сторону новейших достижений в области инфракрасных лучей. Информация, полученная от признанных научных авторитетов, была в этих статьях умело перемешана с красочным вымыслом. Сэр Публий озаботился тем, чтобы повсюду были распространены листки следующего содержания: «Инфрарадископ грядет! Взгляните на мир невидимых чудес!» Или: «Что такое Инфракрасный Глаз? Газеты Харпера расскажут вам об этом. Пользуйтесь случаем узнать невероятное, следите за нашими сообщениями!»

Как только промышленность выпустила достаточное количество приборов, в печати появилось сенсационное заявление леди Миллисент Пинтюрк. Она сообщила, что наблюдала с помощью инфрарадископа страшное существо, ползущее по полу в ее спальне. Само собой разумеется, что у нее тотчас взяли интервью все газеты, находящиеся в ведении сэра Бальбуса. Прочие довольствовались тем, что перепечатали его. Повинуясь указаниям мужа, Милли произнесла несколько отрывочных фраз, ярко характеризующих душевное потрясение, которое было запланировано синдикатом. Инфрарадископы были предоставлены в распоряжение ряда общественных деятелей, которые испытывали и это время, по сведениям, добытым секретной службой сэра Теофила, финансовые затруднения. Каждый из них получил чек на тысячу фунтов, после чего они заявили во всеуслышание, что собственными глазами видели ужасные существа. Картинки леди Миллисент были воспроизведены всеми рекламными агентствами сэра Публия с сопроводительной подписью: «Не выпускайте из рук ваш Инфрарадископ! Он не только во время обнаружит опасность, но и защитит вас!»

Нечего и говорить о том, что в мгновение ока были распроданы сотни тысяч инфрарадископов. Волна ужаса прокатилась по всему миру. В этот момент известный ученый, мистер Пендрейк Маркл, сообщил о том, что в его частной лаборатории создана новая, усовершенствованная модификация прибора. При помощи этого инструмента он обнаружил, что чудовища – пришельцы с Марса.

Маркл стяжал себе громкую славу. В ученых кругах она возбудила вполне понятную зависть, и один из наиболее находчивых коллег мистера Маркла сконструировал машину, которая могла читать мысли этих созданий. Оказалось, что перед нами не что иное, как передовой отряд армии вторжения марсиан, ставящих своей целью уничтожение человечества!..

Между тем кое-кто из числа тех, кто первыми приобрели Инфрарадископ, пожаловался, что ничего не видит. Ни одно из писем этих неверующих, естественно, не увидело свет в газетах Бальбуса. А тем временем паника достигла таких размеров, что каждого, кто заявлял, что ему не удалось обнаружить присутствия марсиан, стали считать просто-напросто изменником и промарсианским элементом. Несколько тысяч этих пособников врага кончили жизнь на виселице, остальные сочили

благоразумным закрыть рот. Это, однако, не остановило эпидемию подозрений. Люди безукоризненной репутации, образцовые граждане, по ничтожному поводу попадали в руки властей. Всякий, кто имел неосторожность полюбоваться ночным небом и восходящей над горизонтом планетой Марс, немедленно брался на заметку. Полиция арестовала всех астрономов, когда-либо изучавших Марс. Те, кто считал, что на Марсе нет жизни, предстали перед судом и были приговорены к длительному заключению.

Нужно, однако, сказать, что по крайней мере в первое время существовали более или менее организованные группы, объявившие себя друзьями Марса. Император Абиссинии выступил с заявлением о том, что тщательное изучение имеющихся изображений показало весьма близкое портретное сходство марсианина и Льва Иуды и, следовательно, пришельцы заслуживают скорее положительного отношения. Хранители древней мудрости Центральной Азии вычитали в своих книгах, что марсианин – это Бодхисатва, сошедший с неба, чтобы освободить их от гнета чужеземцев. Латиноамериканские индейцы-солнцепоклонники, узнав о том, что Марс светит отраженным светом Солнца, пришли к мысли, что и он заслуживает почитания. Им пытались внушить, что марсиане готовят кровавую резню. Культ Великого Солнца, ответили они, предписывает человеческие жертвоприношения, а праведнику не пристало отрекаться от своего бога. Анархисты ликовали: марсиане распусят все правительства, и настанет золотой век. Пацифисты проповедовали братание с марсианами: нужно встретить их с распростертыми объятиями и, быть может, людоедское выражение исчезнет с их лиц.

Все это кончилось тем, что подданные абиссинского императора, азиатские мудрецы, анархисты и прочие подверглись беспощадным гонениям. Многие были умерщвлены, иных уpekли на принудительные работы. Кое-кто отрекся от своих заблуждений. Словом, в короткий срок все проявления оппозиции против великого антимарсианского движения были подавлены.

Но из этого следовал важный урок: марсианская опасность породила опасность измены в среде землян. Обсуждением этой проблемы занялась ассамблея Организации Объединенных Наций. Возникла необходимость в едином термине для обозначения жителей Земли в противоположность инопланетянам. «Земляне» – звучало слишком приземлени, «земные» – не устраивало христиан, получалось какое-то противопоставление «небесным». После долгих дебатов, в которых наиболее активное участие приняли представители Австралии и южноамериканских государств, было решено впредь именовать обитателей Земли теллурийцами или теллурианами. ООН немедленно учредила комиссию по расследованию антителлурианской деятельности. Она должна была железной рукой навести порядок на всех континентах. Постановили, что Объединенные Нации будут заседать непрерывно до тех пор, пока кризис не будет ликвидирован. Был избран постоянный Председатель – этот пост занял человек величайшего ума и огромного политического опыта, представитель старшего поколения, умеющий мыслить глобальными категориями: две мировых войны убедили его, что третья, еще более грандиозная, неизбежна. Он оказался поистине на высоте положения. На открытии пленарного заседания Председатель произнес следующую речь:

– Братья земляне, теллуриане, жители нашей планеты, единые, как никогда! Я обращаюсь к вам в этот грозный час не во имя всеобщего мира, как прежде, – нет, я призываю к другому, более великому свершению. Я говорю о спасении человечества со всеми его ценностями, с его радостями и печалью, тревогами и надеждами. Мы должны защитить наш мир от грязных посягательств, от вооруженного натиска, осуществляемого из космоса с помощью ужасающих, варварских методов, которые – я счастлив сообщить вам об этом – разоблачены гением наших ученых, давших нам инфрарадископ. Они показали нам воочию этих гнусных, омерзительных чудовищ, которые до той поры безнаказанно проникали в наши жилища. Полчища этих вырожденцев ползут на нас, подобно заразе, они грозят отравить нас своими низменными идеями, подорвать основы нашей морали, хотят низвести нас до уровня даже не животных, ведь животные – тоже теллурийцы, – нет, до уровня марсиан! Можно ли представить себе что-либо более ужасное? На всех языках столь любимой нами Земли нет слова более отвратительного, чем «марсианин». Я призываю вас, заклинаю вас, братья и сестры, встать плечом к плечу в великой борьбе за спасение ценностей против коварной и унижительной для нас агрессии чудовищ, монстров, незваных гостей, которых мы заставим убраться туда, откуда они пришли!

Сказав это, он сел. Гром рукоплесканий был таков, что заглушил на добрых пять минут все другие звуки. Затем выступил представитель Соединенных Штатов.

– Сограждане Земли, друзья! – начал он. – Те, кто имел несчастье по роду своих обязанностей ознакомиться с состоянием мрачной планеты, чья злобная активность вынуждает нас теперь принимать ответные меры, хорошо знает, что ее поверхность исчерчена странными линиями, известными у специалистов под именем каналов. Подобные сооружения – думаю, что это ясно каждому экономисту, – преследуют стратегические цели. Они – продукт милитаризма. Опираясь на высокий авторитет науки, мы имеем все основания считать, что агрессор посягает не только на нашу частную собственность и личную свободу. Он угрожает нашему общественному строю, нашим идеалам, тем идеалам, которые были провозглашены нашими предками два столетия назад. Именно они породили единство, стоящее ныне лицом к лицу с грозящей нам силой, назвать которую подобающим ей именем я не решаюсь. Может быть, человек – это временное явление, промежуточная фаза эволюции жизни в космосе, но есть закон, которому всегда будет подчиняться космос, – это божественный закон бесконечного прогресса. И этот закон, сограждане Земли, может быть соблюден лишь в условиях системы свободного предпринимательства, этого бесценного достояния западной культуры. Частная инициатива, по-видимому, давно прекратилась на красной планете, угрожающей нам, ведь каналы, которые мы видим, появились на ней не вчера! Итак, не только ради спасения человека, но прежде всего ради торжества свободного предпринимательства призываю я эту ассамблею дать отпор чудовищам, невзирая на жертвы, не жалея себя. С этой твердой надеждой я обращаюсь к посланцам всех наций, представленных здесь.

Перед закрытием заседания Ассамблея высказалась за всеобщий мир на Земле, провозгласив объединение всех вооруженных сил планеты. Делегаты выразили надежду, что объединение удастся завершить прежде, чем марсиане нанесут главный удар. И все же, несмотря на эти приготовления, воинственные клики и призывы к единству, страх объел сердца всех – кроме членов синдиката и их подручных.

Но посреди охватившего всех смятения нашлись люди, которые хоть и молчали, но сильно сомневались во всем, что им говорили. Министры хорошо знали, что никто из них никогда не видел ни одного марсианина, а их секретари знали о том, что они это знают. Однако никто не решался сказать это вслух, ибо, как уже говорилось, скептикам грозила не только отставка от должности, но и петля. Разумеется, конкуренты сэра Теофила, сэра Бальбуса и сэра Публия не могли примириться с их небывалым успехом. Они мечтали взять реванш, но как? Газета «Ежедневный Гром» некогда была почти столь же могущественной, как «Ежедневная Молния». В разгар антимарсианской кампании, однако, раскаты этого грома стали совершенно неслышны. Издатель «Ежедневного Грома» терпел, сколько мог, скрипел зубами, но как человек благоразумный понимал, что нельзя противостоять волне народного гнева – даже ради интересов кармана. Ученые, которые и без того недолюбливали Пендрейка Маркла, были вне себя, видя, как его прославляют, словно величайшего гения всех времен. Кое-кто из них давно уже разобрал на части пресловутый инфракрасный глаз и убедился, что это блеф, и все-таки... все-таки умнее было держать язык за зубами.

Один только молодой человек по имени Томас Шовелпенни остался глух к голосу благоразумия. На этого Шовелпенни многие истинно английские патриоты поглядывали косо, потому что его дедушка был немец и носил фамилию Шиммельпфенниг, которую слегка переименовал во время первой мировой войны. Мистер Шовелпенни был скромным, незаметным ученым, государственными делами не интересовался, в политику не лез. Хорошо разбирался он только в физике. Он был не настолько богат, чтобы тратить деньги на покупку инфрарадископа, и не мог увидеть собственными глазами, что король гол. Те, кто в этом убедился, хранили молчание; они не посмели бы раскрыть рот даже во хмелю. Но он не мог не заметить странных противоречий в газетных сообщениях о чудесном всевидящем аппарате, и эти противоречия пробудили в нем чисто научное любопытство. Ему и в голову не приходило, что это – сознательная мистификация.

Томас Шовелпенни был образцом добродетели, что не мешало ему водить дружбу с одним субъектом, чьи привычки едва ли могли служить примером для скромного молодого человека. Впрочем, у этого недостойного друга было по крайней мере одно бесспорное преимущество, а именно сообразительность. Имя этого джентльмена было Хогг-Покус, а прозвище – Правда-Матка, он весьма редко бывал трезвым, и никто никогда не встречал его за пределами зланных мест. Можно было предположить, что он все же где-то ночует, но никто так и не узнал, что квартиру ему заменяет жалкая конура в одной из лондонских трущоб. Он обладал блестящим литературным

талантом, и когда его карманы были пусты, засушенная необходимость опохмелиться вынуждала его братья за перо. Журналы, специализирующиеся на скандалах, охотно публиковали его произведения. Разумеется, двери солидных редакций для мистера Хогг-Покуса были закрыты, потому что он никогда не поступался своей совестью. Он знал всю подноготную политики, но не умел извлечь из этого знания никакой выгоды для себя. Некогда он сотрудничал во многих газетах, но хозяева тотчас указывали ему на дверь, как только становилось известно, что он знает о них кое-что, о чем они предпочли бы не распространяться. Станным образом мистер Хогг-Покус не догадывался, что он мог бы сорвать с них за это изрядный куш, – ему мешали какие-то остатки порядочности, а может быть, и беспечность. Он выбалтывал свои секреты случайному собутыльнику где-нибудь за стойкой бара вместо того, чтобы превратить их в солидный банковский счет.

Шовелпенни решил поделиться с другом своими сомнениями.

– Что-то тут не то, – сказал он, – похоже, что они морочат нам голову. Но ума не приложу, кому это могло понадобиться... Может быть, ты, с твоим знанием людей, объяснишь мне, что происходит?

Правда-Матка радостно ухмыльнулся. Он давно уже присматривался к тому, как одновременно растут общественная истерия и доходы сэра Теофила Пинтюрка.

– Ты как раз тот человек, который мне нужен, – сказал он. – Я-то не сомневаюсь, что все это чистейшая липа. Но тут надо действовать с умом. Ты знаток наук, а я малость кумекаю в политике. Вдвоем мы можем кое-что сделать... Только вот какое дело: я могу под пьяную лавочку проболтаться. Давай уговоримся: ты меня запрешь в своей комнате. И, само собой, нужна выпивка в достаточном количестве, чтобы я не очень скучал...

Шовелпенни согласился. Но вот вопрос: где взять денег, чтобы поддерживать Хогг-Покуса в надлежащем тоне все это время, которое, кстати, может оказаться не таким уж коротким? Тут Правда-Матка вспомнил, что в далекие времена своего детства он дружил с будущей леди Пинтюрк, – не всегда же он был таким забулдыгой, как теперь! И не теряя времени, он настроил красочные воспоминания, в которых поведал миру о том, что прелестная Милли была таковой еще в возрасте десяти лет. Статья была продана модному журналу, после чего проблему бесперебойного снабжения мистера Хогг-Покуса спиртным в течение всего времени, которое ему понадобится, можно было считать решенной.

Хогг-Покус немедленно приступил к расследованию. Кашу заварила «Ежедневная Молния» – это не вызывало сомнений. Кто за ней стоит, ему было хорошо известно: сэр Теофил Пинтюрк. Марсиан увидела первой супруга Пинтюрка. Что же касается научного обоснования всей этой свистопляски, то тут первую скрипку играл – это все знали – Пендрейк Маркл. Единая цепь событий сама собой складываться в догадливой голове Хогг-Покуса. Однако начинать атаку было преждевременно. Нужно было заставить заговорить одного из тех, кто знал подоплеку этого дела. И Хогг-Покус решительно постучал в дверь Томаса Шовелпенни. Пусть Шовелпенни возьмет интервью у леди Миллисент. Она сделала первый портрет марсианина, она наверняка знает все с самого начала.

Как ни трудно было простодушному Шовелпенни поверить в выдвинутую Хогг-Покусом гипотезу заговора, инстинкт ученого говорил ему, что встреча с Миллисент Пинтюрк – лучший способ проверить эту гипотезу. Он написал ей почтительное письмо с просьбой принять его по весьма неотложному делу. Против ожидания ему ответили согласием. Ученый муж привел в порядок свой не блиставший опрятностью костюм, причесался. Подготовившись таким образом, он отправился на это знаменательное свидание.

Горничная провела его в будуар леди Миллисент. Хозяйка полулежала в кресле рядом с куклой-телефоном.

– Мистер Шовелпенни, я чрезвычайно польщена вашим вниманием, – промолвила Милли. – Однако я не представляю себе, какого рода темы мы будем с вами обсуждать. Вы, насколько мне известно, блестящий ученый, а я – невежественная женщина, которой нечем похвастаться, кроме богатого мужа. Получив ваше письмо, я поинтересовалась вашими успехами на избранном вами поприще, и мне трудно поверить, что деньги могли быть причиной вашего желания говорить со мной.

Эти слова сопровождалась обворожительной улыбкой. Никогда еще Шовелпенни не встречал женщины, одновременно столь богатой и столь пленительной; он почувствовал, что теряется под ее взглядом. «Ну же, смелей, – подбадривал он себя. – Не распускай слюни. Ты ведешь важное расследование!» Сделав над собой усилие, он произнес:

– Леди Миллисент, вы, конечно, знаете о тревоге, охватившей сейчас все человечество в связи со странными слухами о вторжении с Марса. Если я не ошибаюсь, вы – первая, кто увидел одного из этих марсиан. Мне очень неловко, но долг ученого заставляет меня быть с вами откровенным. Дело в том, что тщательные исследования, проведенные мною, заставили меня усомниться в этом. Я... словом, я не верю, что вы или кто-нибудь другой видели этих чудовищ через инфрарадиоскоп, и не верю, что с его помощью можно вообще что-нибудь увидеть. Очевидно, это какой-то гигантский обман. И если то, что я сказал, – правда, то я вынужден прийти к заключению, что обман этот исходил от вас. Я не удивлюсь, если вы сейчас позовете прислугу и велите вытолкнуть меня в шею. Такая реакция будет естественной, если вы ни в чем не виноваты, и еще более естественной, если вы виноваты. Но умоляю вас, леди Миллисент, заклинаю вас: если вы не хотите, чтобы я думал о вас плохо, чтобы я осудил такое прелестное существо, как вы, с открытой, благородной улыбкой, если вы верите в мое расположение к вам – откройте мне всю правду!

Столь неподдельная искренность, столь обезоруживающая прямота и доверчивость произвели на леди Миллисент ни с чем не сравнимое впечатление. Ни один из ее бесчисленных поклонников не говорил ей ничего подобного. Впервые с тех пор, как она покинула своего отца, чтобы стать женой сэра Теофила Пинтюрка, она видела перед собой человека, который говорит то, что думает. Она почувствовала, что искусственное существование, которое она пыталась вести, поселившись в особняке сэра Теофила, ей отвратительно. Как могла она жить в этом мире лжи, расчета, интриг и бессовестного насилия!

– О, мистер Шовелпенни, – проговорила она. – Что вам ответить? У меня есть долг перед мужем. У меня есть долг перед всеми людьми. И есть еще долг перед истиной. Каким-то из них я должна пренебречь. Как мне решить, какой из них главный?

– Леди Миллисент, – отвечал молодой человек, – вы пробуждаете во мне и любопытство, и веру. Вас окружают фальшь и мишура, но что-то говорит мне, что сердцем вы чисты. О, я знаю, вы сумеете стряхнуть с себя все постороннее, запачкавшее вас. Говорите же, и пусть очистительный огонь истины освободит вашу душу от скверны.

Ненадолго воцарилось молчание. А затем твердым голосом она произнесла:

– Хорошо, я скажу. Я слишком долго скрывала это. Меня вовлекли в неслыханное преступление; сперва я не понимала, в чем дело, а потом было уже поздно. Но вы вселили в меня надежду. Быть может, еще не все потеряно; а если и в самом деле всему конец, то я верну себе по крайней мере спокойную совесть, которую я продала, чтобы избавиться от нищеты моего отца! Да, я действительно ни о чем не подозревала, когда мой муж льстивым голосом, превознося до небес мои таланты, предложил мне нарисовать чудовище. Я не подозревала в ту роковую минуту, для чего ему нужен этот портрет. Я выполнила его просьбу. Я поддалась его уговорам, но видит бог, я ничего не знала! Сэр Теофил – о, как ненавистно мне теперь это имя! – воспользовался моей доверчивостью. С каждым днем, по мере того как нарастала шумиха, совесть мучила меня все больше и больше. Каждую ночь я молила небо о прощении и понимала, что мой грех непрощителен. Не будет мне спасения до тех пор, пока я купаюсь в грязной роскоши, пока не выберусь из этой бездны, куда завлек меня сэр Теофил. Но вот пришли вы, и последняя капля переполнила чашу. Ваши простые слова, слова правды, указали мне выход. Я знаю, что я должна сделать. Я расскажу вам все. Узнайте, как низко пала женщина, которую вы пожелали выслушать. Ни единой крупички совершенного мною зла я не утаю от вас. И тогда, быть может, я смою с себя хотя бы малую часть той грязи, которая облепила меня.

И она поведала ему все. Но, заключив свой рассказ, она прочла в глазах Шовелпенни не ужас и отвращение, которые были бы столь естественны, а восхищение и восторг. Мистер Шовелпенни ощутил в своем сердце любовь – чувство, до той поры ему незнакомое. Он простер к ней руки, и леди Миллисент упала в его объятия.

– Ах, Миллисент, – прошептал он, – как удивительна и непостижима человеческая жизнь! Хогг-Покус был прав, все, что он говорил, подтвердилось. И что же?.. В этом царстве зла я нашел вас. Вас, Миллисент, в ком горит чистое пламя правды! Теперь, когда вы раскаялись во всем, махнув рукой на собственное благополучие, я нахожу в вас духовного союзника, друга, которого не чаял обрести в этом мире. Но как мне теперь поступить? Голова идет кругом... Дайте мне двадцать четыре часа на размышление. Завтра я вернусь и скажу вам свое решение.

Мистер Шовелпенни воротился домой в полном смятении чувств и мыслей. Пьяный Хогг-Покус храпел на его постели. Меньше всего хотелось сейчас нашему герою посвящать этого циника в свои чувства к Миллисент, чья красота, как щит, заслоняла ее от любых осуждений. Он водрузил на столик рядом с кроватью большую бутылку виски, поставил рядом стакан, так, чтобы, пробудившись, достойный джентльмен мог без труда вернуться в прежнее состояние, и, обеспечив себе спокойствие на двадцать четыре часа, уселся в кресло перед газовым камином.

Долг и чувство – извечные враги. Заговорщики были слуги дьявола, их побуждения были гнусны, судьбы людей не заботили их. Власть и нажива были их единственной целью. Ложь, надувательство и террор были их средствами. Может ли он молчать и тем самым стать соучастником преступления? Конечно, нет! Но если он убедит Миллисент публично раскрыть обман, – а он знал, что она послушается его, – что станет с ней? Что сделает с ней муж?.. А все эти толпы обманутых? Он представил себе свою возлюбленную, распростертую в пыли, и озверевших людей, которые топчут ее ногами. Страшное видение. И все же... И все же мог ли он дать потухнуть искре благородства, которая вспыхнула в ней, мог ли он позволить своей Миллисент вновь почить на усыпительном ложе выгодной лжи!..

Но затем его мысли приняли иной оборот. Может быть, разумнее предоставить Пинтюрку и его приспешникам возможность действовать так, как они хотят? В пользу этого было много серьезных доводов. Перед началом марсианской кампании мир находился на грани войны, и многим казалось, что человечество обречено на самоистребление. Теперь реальная опасность отступила перед воображаемой. Мнимая угроза вторжения с Марса объединила вчерашних врагов, и хотя армии по-прежнему находятся в боевой готовности, они не могут произвести те опустошения, ради которых эти армии существуют. «Может быть, – думал он, – обман тоже бывает полезным? Может быть, люди устроены так, что правда для них опасней лжи? Чего тогда стоит моя преданность истине? Я был безумцем, толкая к гибели мою возлюбленную Миллисент!»

В этой точке своих размышлений Шовелпенни снова почувствовал, что он уперся в тупик. «Пусть так, – сказал он себе. – Но ведь рано или поздно обман будет раскрыт. Если его не разоблачат бескорыстные правдолюбцы вроде меня, то это сделают соперники Пинтюрка, такие же хищники, как и он, если не хуже. Как они воспользуются этим открытием? Да очень просто: разрушат едва возникшее единство „теллуриан“, сотворенное ложью сэра Теофила. Так не лучше ли разоблачить заговор ради благородной цели – торжества истины, чем в угоду бесчестной зависти, ради победы одного негодяя над другим... Ах, боже мой, кто я такой, чтобы судить обо всем этом? Я не провидец! Будущее покрыто мраком. Ужас кругом, куда ни глянь. Я не знаю, что лучше: быть заодно с преступниками во имя добра или помочь праведникам погубить мир? Нет, я не вижу выхода».

Так просидел он целые сутки, забыв про еду и сон, и ничего не решил. Когда истекли условленные двадцать четыре часа, Шовелпенни встал и с тяжелым сердцем, на негнувшихся ногах, поплелся к особняку леди Миллисент.

Он застал ее в той же растерянности, в какой пребывал сам. Она тоже разрывалась между двумя решениями. Однако судьбы человечества волновали Милли куда меньше, чем вопрос о том, кого предпочесть – мужа или ставшего ей теперь столь близким и дорогим Томаса. Леди Миллисент не имела похвальной привычки мыслить государственными категориями. Ее мир состоял из конкретных людей, которые, правда, что-то делали в мире, но ее это не касалось. Ее интересовало другое – чувства и устремления мужчин и женщин в ее собственном маленьком мире. Целые сутки она посвятила думам о Томасе, о его твердой воле и бескорыстии. Почему судьба не послала ей этого человека немного раньше, когда она не успела еще завязнуть так глубоко в махинациях сэра Теофила!

Одно утешение оставалось для нее в эти мучительные двадцать четыре часа –

живопись. Леди Миллисент рисовала по памяти миниатюрный портрет Томаса. Закончив миниатюру, она заключила ее в медальон, где в былые, легкомысленные времена хранила портрет сэра. Теофила. Медальон покоился у нее на груди, и время от времени, чтобы скрасить ожидание, она украдкой смотрела на образ того, кого мысленно называла своим избранником.

Наконец, он явился. Но шагам его не хватало твердости, глаза не излучали блеска, в голосе не было металла. Медленно приблизившись, он протянул ей руку, а другой рукой вынул из кармана таблетку и тотчас положил ее в рот.

– Миллисент, – сказал мистер Шовелпенни, – это снадобье через несколько минут оборвет мою жизнь. Положение мое безвыходно. Прежде у меня были надежды, радужные надежды. Я мечтал посвятить свою жизнь двум богам – истине и добру. Увы, это оказалось химерой. Правда губит гуманизм, а гуманность несовместима с правдой. О, проклятье! Как жить, если одно нужно приносить в жертву другому? И что это за мир, где нужно либо душить друг друга, либо сдаться на милость самой беззастенчивой лжи! Нет, это невозможно вынести. Вы были добры ко мне, Миллисент, вы поверили в меня, вы знаете, как искренно я люблю вас, но что... что... что вы можете сделать, чтобы вернуть мир моей душе, раздираемой противоречиями! Ни ваши нежные руки, ни ваши дивные глаза – ничто меня не утешит. Я должен умереть. Но тому, кто меня заменит, я оставляю ужасный выбор – выбор между правдой и жизнью. Я не смог его сделать. Прощайте, прощайте, моя бесценная. Я ухожу туда, где неразгаданные загадки не будут терзать мою грешную душу. Прощайте...

Он сжал ее в последнем страстном порыве, потом она почувствовала, что сердце его перестало биться, руки мистера Шовелпенни разжались, и он упал бездыханным. Склонившись над ним, леди Миллисент сняла медальон со своей лебединой шеи, трепетными пальцами извлекла оттуда портрет и, прижимая его к устам, воскликнула:

– О благородное сердце, о великий дух, ты умер, и эти губы, которые я целую, не вымолвят больше ни слова. Но ты останешься жить в моем сердце. И я, твоя бедная Миллисент, завершу то, что ты начал, я принесу людям весть, которую не успел принести им ты.

С этими словами она сняла телефонную трубку и набрала номер газеты «Ежедневный Гром».

Нескольких дней, в продолжение которых редакция «Ежедневного Грома» отважно защищала леди Миллисент от ярости мужа и его клеветов, было достаточно, чтобы ее сенсационному сообщению поверили все. Один за другим, осмелев, люди начали признаваться, что никто из них никогда ничего не видел через инфрарадиоскоп. Марсианский бум кончился так же быстро, как и начался.

И конечно, распря между землянами, как и следовало ожидать, обострилась с новой силой. Вскоре она переросла в войну.

Армии воюющих стран сшиблись лбами на огромном поле битвы. Самолеты затмили небо. Атомные взрывы сеяли смерть по обе стороны фронта. Гигантские орудийные установки посылали в небо снаряды, которые сами отыскивали цель. И вдруг грохот взрывов утих. Самолеты опустились на землю. Артиллерия прекратила огонь.

Журналисты, расположившиеся в прифронтовой полосе и ожидавшие исхода страшных событий с любопытством, присущим людям этой диковинной профессии, первыми отметили внезапную и странную тишину. Никто не понимал, почему сражение прекратилось. Преодолев страх, они, наконец, двинулись туда, где должна была происходить битва. И увидели, что полки лежат мертвыми – солдаты умерли все разом, но не от ран, нанесенных врагом, а какой-то странной, неведомой смертью.

Журналисты бросились к телефонам. Они позвонили в свои столицы. Там, за тысячи километров от театра военных действий, успели принять слова: «Сражение прекратилось, так как...». И больше не услышали ничего. Те, кто передавал сообщение, тоже погибли. Телефоны замолкли. Смерть воцарилась в мире. Марсиане – на этот раз настоящие – пришли.

Послесловие

Приведенное выше описание последних дней теллурийской расы составлено мною по личному указанию великого деятеля, которого все мы, марсиане, бесконечно чтим, – я имею в виду, естественно, Мартина Завоевателя.

Обращая наше внимание на проявления малодушной сентиментальности, которые кое-где еще наблюдаются в наших рядах, наш великий сопланетянин счел нужным указать, что он рассматривает их как преступное попустительство по отношению к этим двуногим, которых его воинство истребило с беспримерной отвагой.

В частности, он призвал нас использовать всю имеющуюся у нас информацию для правдивого освещения обстоятельств, предшествовавших нашей победоносной экспедиции. Его величество полагает – и каждый, кто прочел предыдущие страницы, без сомнения, согласится с этим – что было бы ошибкой позволять подобным существам в дальнейшем засорять своим присутствием наш восхитительный космос.

Теллуриане кощунственно утверждали, что у нас семь ног. Можно ли представить себе более наглую ложь? И можно ли найти оправдание для тех, кто посмел назвать улыбку на наших лицах, улыбку оптимизма, с которой мы смело глядим в глаза будущему, «злым оскалом»? А что сказать о власти, которая мирилась с деятельностью таких прохвостов, как этот «сэр Теофил»? Властолюбивые притязания этого субъекта выглядят по меньшей мере смехотворно сейчас, когда на земле правит король Мартин.

Наконец, можно только сожалеть о той ни с чем не сообразной свободе высказываний, которая была продемонстрирована в препирательствах так называемых Объединенных Наций. Насколько выше и благородней наш марсианский образ жизни, исключая необходимость выдумывать свои мнения, поскольку все, что надлежит думать, уже сказано в речах героического Мартина, прочим же предоставляется почетное право заучивать его слова и повиноваться.

Все приведенные здесь материалы – подлинные. Понадобился немалый труд, чтобы извлечь их из обрывков газет и немногих звукозаписей, сохранившихся после решительной атаки наших славных парней. Интимность некоторых эпизодов, возможно, вызовет удивление. Следует сказать, что сэр Теофил – очевидно, без ведома своей жены – установил в ее будуаре микрофоны, почему до нас и дошли последние слова Томаса Шовелпенни.

Сердце каждого честного марсианина радостно забьется, когда он узнает, что эти твари больше не существуют. С гордостью и ликованием мы желаем нашему дорогому королю Мартину заслуженной победы в намеченной экспедиции против погрязших в такой же бездне порока жителей Венеры. Да здравствует король Мартин!

Х.У., профессор кафедры внедрения идей

Центрального Марсианского Университета

.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!